

П.В. Рубцов

Писистрат и Коммод (миф о блаженном состоянии и политическая пропаганда в античности)

При изучении разновременных явлений, которые можно объединить по ряду внешних признаков, исследователи зачастую упускают из виду качественные различия этих явлений, обусловленные конкретно-историческими условиями. Так долго было с античным мифом о блаженном прошлом, который в литературе часто обозначается единым термином — «золотой век». Тем не менее в ставших уже классическими работах Г. Болдри и Б. Гатца [1, 2], посвященных развитию этого мифа в античности, было показано существенное отличие греческих вариантов мифа о «золотом роде» и «жизни при Кроносе» от римских воззрений о «золотом веке», появившихся на рубеже эр. Б. Гатц отмечает «антрополого-генеалогический аспект» греческих версий в отличие от «политико-исторического облачения» римских [2, с. 65]. Следовательно, греческие версии были ориентированы на особый род (*γένος*) людей, живших при Кроносе, время которого уже не сможет вернуться вновь (по крайней мере, для представителей «железного рода»), в то время как римские варианты говорили уже о «золотом веке», который может наступить снова. Указанная проблема различия трактовок этого мифа значима не только для изучения мифологии или утопии, но и ставит вопрос о возможностях использования мифа о блаженном прошлом политической пропагандой в различные эпохи античной истории. Под пропагандой при этом мы понимаем целенаправленные действия по распространению и укреплению в общественном мнении определенных идей, отвечающих в данном случае интересам властвующих структур. Вопрос об использовании интересующего нас мифа в пропаганде различных эпох мы попытаемся разрешить на примере двух сюжетов, наиболее выделяющихся из общей традиции.

Первый из них, относящийся к истории Афин VI в. до н.э., — сравнение тирании Писистрата с «жизнью при Кроносе». Этот сюжет, будучи фактически единственным примером подобного сравнения в доримскую эпоху, представляет для нас интерес потому, что в литературе его иногда прямо связывают с пропагандой Писистрата. Так, по мнению В.А. Гуторова, это сравнение явилось плодом манипулирования народными утопическими воззрениями со стороны самого Писистрата, который ставится исследователем в один ряд с Октавианом-Августом [3, с. 36].

Наше представление об этом сравнении бази-

руется на двух источниках. Первый из них — «Афинская полития» Аристотеля, где сообщается следующее: «говаривали часто, что «тирания Писистрата — это жизнь при Кроносе» (*διὸ καὶ πολλὰκις ἐθρόλλουν ὡς ἡ Πεισιστράτου τυραννίς ὁ ἐπὶ Κρόνου βίος εἴη* — Arist., Ath.pol., 16, 7; пер. С.И. Радцига). Второй источник — псевдоплатоновский диалог «Гиппарх», в котором все правление Писистратидов, за исключением трех лет тирании Гиппия, оценивается практически как «царство Кроноса» (*ἥσπερ ἐπὶ Κρόνου βασιλεύοντες* — Ps.-Plato, Hipparch., 229b). Оба эти источника, подчеркивающие мнение народа (*ἐθρόλλουν; πάντων ἂν τῶν παλαιῶν ἤκουσας*), представляют дело таким образом, что взгляды на правление Писистрата как на «жизнь при Кроносе» были достаточно распространены среди аттического демоса. Но это еще не может служить доказательством активного использования мифа о «жизни при Кроносе» пропагандой Писистратидов. Также не является аргументом в пользу манипулирования Писистратом утопическими представлениями афинян и тот факт, что образ Кроноса играл довольно значимую роль в Аттике [4, р. 128], и миф о «жизни при Кроносе» был популярен среди афинского народа, о чем говорит, например, древняя аттическая комедия (Cratin., Plut. ap Athen., VI, 267e) [5, с. 292].

Сомневаться в том, что пропаганда Писистрата использовала миф о «жизни при Кроносе», нас заставляют две особенности рассмотренных выше источников. Первая из них в том, что оба источника относятся лишь к IV в. до н.э. Более ранняя традиция ничего не сообщает нам о подобном сравнении, хотя само представление о «не тягостном» характере власти Писистратидов было распространено в историографии (Thuc., VI, 54, 5–6) [6, с. 75]. Более того, позднейшая традиция нашла место для Писистрата даже в списке семи мудрецов (Diog. Laert., I, 13).

Вторая особенность наших источников заключается в том, что в более широком контексте правление Писистрата всегда находится в сравнении с периодом правления его сыновей. Так, Аристотель продолжает цитированную выше фразу: «впоследствии же, когда преемниками Писистрата сделались его сыновья, правление стало гораздо более суровым» (Arist., Ath. pol., 16, 7; пер. С.И. Радцига). Как мы уже видели, в «Гиппархе» вообще тиранией считаются только три года прав-

ления Гиппия от убийства Гиппарха до изгнания тирана, остальное же время сравнивается с «царством Кроноса». Таким образом, в обоих источниках время Писистрата, определяемое как «жизнь при Кроносе», рассматривается через призму правления его сыновей, значительно ужесточивших свою политику.

Сравнение, построенное по такому же принципу, мы встречаем, например, у Плутарха, который сопоставляет прославления Аристиды со стороны союзников афинян за справедливый сбор форося с прославлением «древними» жизни при Кроносе (Plut., Arist., 24, 2). Эта схема заставляет нас вспомнить тот факт, что Кронос мыслился именно как правитель счастливого, но оставшегося в далеком прошлом периода. Он становился символом прошлого и в последнем качестве мог восприниматься в том числе и негативно (Aristoph., Nub., 398; Plut., 581; cf. Athen., III, 122d). В свете вышесказанного кажется справедливым сделать вывод о появлении сравнения тирании Писистрата с блаженным мифическим прошлым не во время самого тирана, а позже, как минимум, после ужесточения режима Писистратидов.

Обе рассмотренные особенности источников заставляют обратить взгляд на духовную атмосферу IV в., на «кризис полиса» [7, 8]. В идеологической сфере этот период характеризуется повышенным вниманием к теме лучшего государственного устройства, составной частью которого была тема *πάτριος πολιτείας*, под которую попадали многие периоды афинской истории [9, с. 32]. Как раз с этой теорией и гармонируют сообщения авторов IV в. о сравнении тирании Писистрата с «жизнью при Кроносе». Стоит также отметить, что сам миф о времени Кроноса получает в этот же период некий «политический» оттенок. Это, в частности, видно по «Законам» Платона, где «жизнь при Кроносе» становится образцом для государства, приближенного к идеальному (Plato, Legg., IV, 713de). Но тем не менее и Платон воспринимал «царство Кроноса» как период, который не способен возвратиться (Legg., 713e).

Таким образом, можно сделать вывод, во-первых, о чисто ассоциативном характере сравнения правления Писистрата с «жизнью при Кроносе», а, во-вторых, о более позднем, не относящемся ко времени самого Писистрата, появлении этой традиции. Сказать более точно о времени ее появления не представляется возможным, но мы можем утверждать, что она с готовностью была воспринята греческим обществом, занятым поисками лучшего государственного устройства в период «кризиса полиса».

Второй сюжет, на который хотелось бы обратить внимание, — объявление времени императора

Коммода золотым веком. К началу правления Коммода идея возрожденного золотого века прочно утвердилась в политической идеологии Римской империи [10, с. 6–46]. Развитие мифа в этом русле привело к его превращению в штамп, шаблон для прославления императоров, но ни при одном императоре новый «золотой век» или «царство Сатурна» не были провозглашены официально. Эти понятия либо в полном объеме использовались поэтами и писателями, прославлявшими императоров (Verg., Aen., VI, 792–794; Sen., Apocol., 4, 7–23; Calp. Sic., Ecl., I, 42 sqq.; Anth. Lat., 726, 25–38; Stat., Silv., IV, 1, 17 etc.), либо заимствовались пропагандой для символического обозначения наступления новой, счастливой эпохи (Hog., Carm. saec., 57–60; ср. также многочисленные изображения таких атрибутов золотого века, как, например, изобилие, во многих произведениях искусства времен империи, на монетах и т.д.).

Из данной тенденции выбивается правление Коммода, время которого, единственный раз в истории Римской империи [2, с. 142], было официально объявлено «золотым веком». Об этом сообщают нам Дион Кассий и SHA (последний источник, видимо, опираясь на современника событий сенатора Мария Максима [11, с. 48]). По Диону Кассию, было постановлено называть век Коммода золотым (*τὸν αἰῶνα τὸν ἐκ' αὐτοῦ χρυσοῦν... ὀνομάζεσθαι... ἐψηφίσθη*) и отразить это во всех надписях (Dio Cass., LXXIII, 15, 6). По SHA, этот император придумал название «золотой век Коммода» (*saeculum aureum Commodianum*) для обоснования дешевизны (SHA, Lampr., Comm., 14, 3). Своеобразие такого провозглашения выявляется даже в сопоставлении с другими вариантами темы «золотого века» в этих же источниках. Дион Кассий, *высказывая свое мнение*, противопоставляет золотое царство (*χρυσή βασιλεία*) Марка Аврелия железному и ржавому (*σίδηρά καὶ κατιομένην*) царству его сына (Dio Cass., LXXII, 36, 4). В этом сопоставлении явно угадывается традиционная схема «золотой век» — «железный век», переведенная в плоскость императорского правления (cf. Suet., Tib., 59, 1). В SHA содержатся неоднократные упоминания императорских «золотых веков», но каждый раз это либо мнение авторов сборника, либо чье-то еще, но никак не официальное постановление (SHA, Spart., Pescen., 12, 6; Lampr., Heliog., 35, 4; Vopisc., Prob., 23, 2). Таким образом, *saeculum aureum Commodianum* выделяется на общем фоне развития мифа о «золотом веке» в русле официальной идеологии империи.

Отличие «золотого века Коммода» нам видится и в сознательной связи этого провозглашения с популярными версиями мифа, говорящими о природном изобилии, царившем в «золотой век» Са-

турна (cf. Aetna, 9–16). Ориентирование Коммода на популярные утопические мотивы, распространенные среди низов населения империи, подтверждается не только версией SHA, в которой «золотой век», провозглашенный императором, связан с понижением цен. Проводя антисенатскую политику и опираясь на народ и армию, эксцентричный Коммод пытался предстать подателем благ и новым основателем Рима. В качестве первого он производил щедрые раздачи (Dio Cass., LXXIII, 16, 2; SHA, Comm., 16, 8) и давал пышные игры, в которых сам принимал участие. Как новый основатель Рима, Коммод пытался поставить сам Рим в тесную связь со своим именем, желая, чтобы «вечный город» назывался *colonia Commodiana* (SHA, Comm., 8, 6; 15, 7; cf. Dio Cass., LXXIII, 15, 2). Кроме того, самоотожествление императора с Гераклом, образ которого был традиционно значим для Антонинов, так же во многом представляло Коммода как нового основателя Рима [12, с. 327–329]. Эти действия можно поставить в один ряд с секулярными идеями, тесно связанными с провозглашением нового «золотого века» [10, с. 36]. На широкие народные массы была направлена пропаганда мира и процветания – неотъемлемого атрибута «золотого века» [12, с. 327–329]. Перечень подобных сюжетов можно было бы продолжать довольно долго, но сказанного достаточно, чтобы увидеть, что политическая пропаганда этого времени была направлена не просто на широкое привлечение утопических сюжетов, но и попытку напрямую отождествить правление Коммода с мифическим «золотым веком» в его фольклорном варианте.

Таким образом, оба рассмотренных сюжета го-

ворят скорее о различии, чем о сходстве пропаганды разных эпох. Это различие кроется как в особенностях понимания мифа о блаженном прошлом в эти эпохи, так и в конкретной исторической ситуации. Политическая практика греческих полисов не давала возможности для перенесения на отдельного члена общины (даже обладавшего тиранической властью) функций «подателя благ», которой обладали, к примеру, обожествлявшиеся древневосточные деспоты. Поэтому идеология ранней греческой тирании базировалась на системе аристократических ценностей, и пропаганда представляла тирана выделяющимся из гражданского коллектива за счет обладания определенными доблестями (*ἀρεταί*) [13]. Лишь в период эллинизма базилиевсы переняли вместе с обожествлением и функцию «благодетеля» страны [14, с. 236]. Но эллинистический мир даже при всем развитии сотерологических идей не дал варианта нового «царства Кроноса», принесенного каким-либо царем. Видимо, отмеченные особенности греческих вариантов мифа не давали такой возможности.

В Риме же вместе с понятием «золотой век» появляется и личность, которая его принесет – император (Verg., Aen., VI, 792–794). Именно те принцепсы, которые делали ставку на сильную императорскую власть, в наибольшей степени пропагандировали наступление новой счастливой эпохи, связанной с началом их правления. Поэтому и Коммод, который развивал идею своей *Nobilitas*, с такой легкостью, опираясь на опыт предшественников, пропагандировал наступление нового «золотого века».

Литература

1. Baldry H.C. Who Invented the Golden Age? // The Classical Quarterly. V. 46. 1952. №4.
2. Gatz B. Weltalter, goldene Zeit und sinnverwandte Vorstellungen (Spudasmata, 16). Hildesheim, 1967.
3. Гуторов В.А. Античная социальная утопия: вопросы истории и теории. Л., 1989.
4. Versnell H.S. Greek Myth and Ritual: the Case of Kronos // Interpretations of Greek Mythology / Ed. by J. Brammer. L., Sydney, 1987.
5. Пельман Р. История античного коммунизма и социализма // Общая история европейской культуры. Т. 2. СПб., 1910.
6. Берве Г. Тираны Греции. Ростов, 1997.
7. Глускина Л.М. Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. Т. 2. М., 1985.
8. Суриков И.Е. Новая концепция афинской истории IV в. до н.э. // ВДИ. 1996. №4.
9. Соболевский С.И. Аристофан и его время. М., 1957.
10. Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» Древнем Риме. Ч. 2: Ранний принципат. Новосибирск, 1994.
11. Доватур А.И. Историк Геродиан // Геродиан. История императорской власти после Марка в восьми книгах. СПб., 1995.
12. Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.
13. Макаров И.А. Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. 1997. №2.
14. Schmitt H.H. Herrscherideal // Kleines Wörterbuch des Hellenismus / Hrsg. von H.H. Schmitt und E. Vogt. Wiesbaden, 1988.